

РЕЦЕНЗИИ

НАУКА ЭКОНОМИКА: МЕЖДУ ИСТИНОЙ И УТОПИЕЙ

Рецензия на книгу: Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М.: КУРС, 2021. – 296 с.

П. С. Лемещенко

liamp@bsu.by

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной политической экономии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Книг, в которых излагаются результаты глубокого анализа такого сложного и ускользающего феномена как наука, крайне мало. Хотя, как, казалось бы, любой берущийся что-то излагать по экономике просто обязан даже для себя сделать некоторую «ревизию», а точнее оценку того методолого-инструментального аппарата, к которому ты будешь обращаться, исследуя избранный для себя объект. К сожалению, это делается крайне редко. Обычно актуальность экономических, редко – политэкономических проблем, грань между которыми улавливается сегодня далеко не каждым, как показывают личные наблюдения за несколько десятков лет, определяется частотой повторения той или иной категории в официальной риторике или в соответствующих публикациях. Для «сцепления» с научной корпорацией в лучшем случае могут обратиться и процитировать со знаком «плюс» или «минус» несколько авторов по направлению исследования. Собственно, анализируя и излагая разные по актуальности и величине проблемы, такой прием вполне уместен. Вопрос в другом. Далеко не все авторы, и, к сожалению, их большинство, даже уже в «авторитетном» возрасте и с титулами не понимают роли и значения методологического «фокуса» и необходимой работы с соответствующими экономическими категориями. Так или иначе, но надо понимать, что наука экономика имеет особый социально-культурный и политико-экономический «срезы» отношений, которые зависят от интересов, мотивов, целей и пр. Объект обладает эластичностью и изменчивостью, а субъект исследования также зависит от мировоззрения, уровня освоения той или иной экономической школы, онтологических факторов, свойств и способностей личности к риторике, искусству письма и пр. Вот что писал Дж. К. Гэлбрейт, характеризуя специфику деятельности экономиста: «Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им выводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием»¹. И несколько далее: «Экономистам в целом свойственно иметь весьма высокое мнение о том, что они делают сами, и гораздо менее высокое мнение о том, что делают их коллеги по профессии. Если ученый глубоко погрузился в изучение узкого раздела той или иной темы, то он почти наверняка склонен относиться с недоверием к человеку, избравшему более широкий объект исследования, подозревая его в поверхностности. Последний в свою очередь будет считать специалиста человеком, лишенным широты взглядов, или того, что принято называть кругозором. Похоже на то, что, познавая все больше о меньшем, специалист рискует стать круглым невеждой»².

Научная монография В. М. Ефимова «Деньги, социальные порядки и экономическая наука», а именно такой статус имеет эта книга, в чем нет никаких сомнений, выделяется из многих подобных публикаций тем, что, во-первых, она представляет не только широкий охват проблем самой экономической науки, но и их глубокое, тонкое понимание, о чем дополнительно можно узнать из предыдущих работ автора, на которые есть более 300 ссылок. Во-вторых, монография содержит хотя и обобщенный, но качественный анализ реальной хозяйственной жизни в соотношении с экономическими идеями и их эволюцией. В-третьих, методологическая широта автора проявляется в весьма оригинальном обращении к давно забытому понятию «экономических порядков». Это своего рода проявление желания более или менее достичь це-

¹ Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1969. – С. 313.

² Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1969. – С. 464–465.

лостного или системного отражения хозяйственной реальности. Напомним, что хозяйственная деятельность основывается не только на формировании или достижении порядков экономических. Человеческая деятельность (ее изучает или, по крайней мере, должна изучать экономика, но к ней по разным причинам почти не обращаются) включает себя, прежде всего, порядок в мышлении – политэкономическая наука, порядок политический, правовой, нравственно-этический, социальный и даже экологический. Комплементарность или, можно сказать, симметрия этих порядков дает теоретическую и практическую основу понимания и достижения на практике устойчивого развития, которого так сегодня не хватает почти всем странам. Правда, В. М. Ефимов прямо об этом не говорит, но такой вывод можно сделать из прочтения книги. Об односторонности одномерного подхода и его последствиях вот как говорил Д. Норт: «Даже если правители захотят принимать законы, руководствуясь соображениями эффективности, интересы самосохранения будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы будут диктовать им иной образ действий, поскольку эффективные нормы могут ущемить интересы сильных политических группировок»¹. В-четвертых, очень важная и отличительная особенность, которая принципиально отличает данный трактат от остальных, это изменение роли и значения денег как в общей теории экономики, так и в локальной денежной теории, исходя из чего по-своему трактуется влияние денег на ту или иную реальную хозяйственную модель. Надо отметить, что для современного этапа финансирования данному тезису даже трудно возразить. В более ранние исторические периоды представители различных школ и исследовательских программ априори принимают различные тезисы о происхождении денег и их функциях: они есть продукт развития товарного обмена или продукт государства, и насколько они нейтральны или активны в динамике воспроизводства. Думается, для этого периода такое понимание происхождения денег и их влияния на социально-экономический порядок соответствует реальности: деньги и соответствующие институты были вторичны по отношению к промышленному капиталу. В-пятых, в книге читатель найдет для себя может и не совсем новое, но все же хорошо интерпретированное понимание науки экономики как социально-политического феномена. Здесь проводится достаточно редкое понимание экономической науки в ракурсе исходной философски-идеологической установки, не только выполняющей аналитико-теоретическую функцию, но, в первую очередь, формирующей необходимый для доминирующей власти тип массового мышления, а, следовательно, и поведения, что имеет важное значение для хозяйственной практики. Напомним, в годы замены политической экономии на «экономику» объясняющим контекстом было утверждение, что эта «новая» теория находится за пределами как идеологии, так и политики. Реальность оказывается далеко не такой. Надо отметить, что такое прозрение о феномене и роли науки экономики, если принять такой термин, пришло примерно в 70-е годы, когда идея об ограниченной рациональности, предложенная Г. Саймоном и поддержанная другими исследователями в области междисциплинарного анализа, получила более широкую поддержку и более значимые результаты.

Монография В. М. Ефимова содержит семь глав. Логика ее авторская, и в целом она разрешает те проблемы, которые он формулирует. Первая глава называется «Критика одной социальной философии». Поскольку текст этой главы насыщен ссылками на собственные работы автора, другие работы, полагая, что читатель с ними знаком так же, как и сам В. М. Ефимов, то исходя из «чистого текста» мы не обнаружили здесь действительной критики. С нашей точки зрения и сам автор, и неоднократно цитируемый А. А. Аузан не очень расходятся в понимании роли и значения экономической науки. Тем более, что в книге начало первой главы предваряется эпиграфом из книги А. А. Аузана о мечте институциональной экономики превратить последнюю в социальную философию. А на стр. 30 автор монографии пишет, что «экономическая мысль существует в четырех лицах: наука, философия, идеология и утопия»². Поэтому, представляется, разночтений здесь мы особо не обнаружили. Автор, и это чувствуется по всему тексту, как-то не очень доволен тем, что и А. А. Аузан и другие представители экономической науки, права и философии не заметили теоретико-прагматических начал Дж. Коммонса. Да, в литературе за последние сто лет действительно мало писали об этом американском исследователе. Ну, такова жизнь: так бывает часто во всех сферах человеческой деятельности. Однако

¹ Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – М. : Начала-Пресс, 1993. – Том 1. – Вып. 2. – С. 73.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 30.

если учесть социально-классовую направленность Дж. Коммонса, то не думается, что институциональная мысль пошла в каком-то другом более плодотворном направлении. Тем более, что его «прагматическая философия» имеет историко-правовой контекст своей страны – США, а не, например, России. А «эффект колеи», который используется деканом экономфака МГУ им. М. В. Ломоносова, как представляется, ориентирует не просто на некую идеальную либерально-неолиберальную модель, а на поиск историко-гуманитарного «кода» стран и России в том числе. И надо отдать должное профессору, что поиск этого кода он делает крайне рассудительно, давая читателю возможность самому включиться в дополнительный поиск аргументов, объясняющий «логику этой колеи».

Глава 2 «Прошлое и будущее экономической науки с точки зрения прагматической философии Джона Дьюи» популяризирует идеи этого не совсем известного, но все-таки даже имеющего практику и опыт в молодой Советской России, куда он приезжал в 1928 году и встречался с Н. К. Крупской. Да, это был период поиска не только новых форм хозяйствования, на путь который стала Россия, но и поиск новых идейно-методических и педагогических инструментов воспитания и обучения «нового» человека будущего общества. И хотя философ и педагог правильно говорил о том, что эстетические ценности должны формироваться в процессе сенсорного обмена между живым существом (человеком) и окружающей средой и быть постоянно проверяемые опытом, другие важные и тоже правильные тезисы, все-таки заметим, что от идей до правильности житейской реальности – очень длинный путь. Поэтому актуализация идей и Дж. Коммонса, и Дж. Дьюи будоражит мысль, напоминает и указывает читателю на менее известные фигуры, но вряд ли стоит возводить их в ранг новых кумиров и обольщаться перспективой непротиворечивого развития. Надо считаться с историческим фактом, если уж быть прагматиком, что практика не приняла полностью идей этих авторов. И, наверное, не по злему умыслу. С нашей точки зрения, тому же Дж. Коммонсу для отражения всего спектра общественно-экономических отношений не хватало восприятия идей того же Т. Б. Веблена. А Дж. Дьюи, желая как-то посоперничать с идеями К. Маркса относительно его взглядов на частную собственность, предложил развивать отношения собственности через использование акций соответствующих предприятий. Но доход на акции – это тот же нетрудовой доход, против которого для гармонизации развития общества выступал Дж. Дьюи. А К. Маркс в развитии капитала, его форм видел естественное отрицание капитала и той же частной собственности, что сегодня подтверждается статистикой. Для акционерных же предприятий он нашел мало кем замечаемое и понимаемое понятие «переходных форм».

Главу 3 «О монетарном социальном порядке» В. М. Ефимов предлагает «рассматривать как центральную этой книги»¹. Это вполне логично, поскольку категория «деньги» вынесена в название. Логично и потому, что именно данный феномен является не только самым обсуждаемым, но и самым нервным. Современная эпоха отличается рядом устойчивых мифов, которые заменили научные выводы. Мифы о деньгах, пожалуй, – самые распространенные, самые вредные и самые культивируемые мифы. Весь мир стал пленником собственной риторики и сложного мифа о деньгах, что создает удивительно выгодные предпосылки для извлечения рентных доходов. Цифровая составляющая вносит свои интерпретации в понимание финансово-денежных отношений. Здесь наши оценки понимания природы денег с уважаемым автором книги удивительно совпадают. Совпадает и их характеристика, что деньги – это институт². Честно, читая оригинальные рассуждения В. М. Ефимова, не совсем понимаешь, почему именно такое определение денег ему больше импонирует: «Итак, деньги, выражающие ценность, являются жетонами (для их монетарной формы) талонами (для их бумажной формы) и записями на счетах (для их безналичной формы), которые дают право на получение товаров и услуг, имеющих эту ценность. Право это проистекает не от того, что деньги, в том числе и монеты, изготовленные из драгоценных металлов, обладают какой-то своей субстанцией, имеющей внутреннюю ценность, а от того, что оно, это право, зафиксировано в правилах функционирования денежной системы как социального института. Эти правила поддерживаются авторите-

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 80.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 81–84; Лемещенко, П. С. Деньги как институт: современные проблемы // П. С. Лемещенко // Казанский (Приволжский) федеральный университет: Региональный экономический журнал. – 2020. – № 2. – С. 47–56.

том (в том числе способностью применить силу) государства, на территории которого выпускаются деньги определенной денежной системы, и доверием пользователей этой денежной системы данному государству. Правила эти закрепляются привычкой и вероубеждением в покупательную и платежную силу денег этой денежной системы»¹. С этим определением денег можно было бы согласиться полностью, если бы оно начиналось с последнего предложения. А в нем есть очень сильная мысль о вероубеждении и даже привычке доверять покупательной силе денег денежной системы. Эта привычка и доверие возникают далеко не сразу, когда некое государство своими формальными декретами устанавливает правила и наделяет деньги «ценностью». История денег показывает, что, узнав о готовящихся новых денежных единицах, население законно и незаконно скупает то, против чего возражает автор – монеты, имеющие статус естественного «денежного материала». Вот этот опыт и показывает, и определяет доверие к выпускающим новым денежным единицам, к системе в целом. Тридцатилетний опыт существования денежных систем, например, России и Беларуси показывает, что жестких правил и даже жестких наказаний мало, чтобы доверять полностью национальным денежным системам. С чем можно полностью согласиться, так это с тезисом автора книги о том, что как родина «начинается с картинки в твоём букваре», так и реальная социально-экономическая система явно или неявно, но имеет денежное начало. И, кстати, как эффективность, так и справедливость этих систем зависят от построения и функционирования денежных систем. Последние абсолютно незаметны и непонятны (!), но абсолютно законны, потому что такие законы приняты, которые осуществляют распределение и перераспределение не только добавленной стоимости, но и необходимого продукта. Этот феномен К. Маркс бы назвал эксплуатацией государством через кредитно-денежную систему. Термин «товарно-денежный фетишизм» – термин К. Маркса, который еще в то время прозорливо видел следствие этого фетишизма. Поэтому частично из-за этого теория марксизма очень неудобная для политической и экономической власти в современном мире, а неоклассическая теория «объясняет», что каждый фактор получает свой вид и размер дохода.

К тому же, если раньше власть политическая еще как-то боролась с властью денежной, то, пожалуй, сегодня они находятся в органическом единстве. В одиночку стало трудно «работать» на современном политико-экономическом поле. Биткоин же и другие подобного рода валюты – попытка выйти из-под этого влияния. Но цель тоже меркантильная: быть властью для извлечения рентных доходов, пользуясь спецификой валюты и соответствующих отношений. Но, как верно зафиксировал в своей книге управляющий Банком Англии Мервинг Кинг «Конец алхимии: деньги, банковское дело и будущее глобальной экономики», такая стратегия ведет в конечном итоге к финансовым кризисам. И законодательные органы, как верно далее отмечает В. М. Ефимов, институционализируют такое положение вещей, равно как и утверждают основной государственный план – госбюджет², имеющий доминирующие цели, которые не всегда понимает основная масса населения. И далее весьма смелая мысль автора: «Что касается «демократии», то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег»³.

Глава 4 «Два современных социолога и пять экономистов прошлого о социальном институте денег и его реформировании» делают существенный прирост к интерпретации денег в прошлом и настоящем. Автор очень хорошо владеет философией, историей науки и экономической историей, политэкономией и неоклассической теорией, основаниями социологии. К тому же в книге демонстрируется уважительная и очень профессиональная способность вести диалог даже в том случае, когда автор с чем-то явно не согласен. Но эта глава настолько насыщена разного рода идеями, трактовками и пр., что требуется написать книгу с не меньшим объемом, чтобы как-то выразить свое отношение по каждому возможному вопросу. Мы только подчеркнем, что В. М. Ефимов совсем не зря выбрал в качестве своих оппонентов в лице социологов Дж. Ингема и Й. Хубера, а также таких экономистов, действительно известных и повлиявших на умы, как Дж. Кейнс, Й. Шумпетер, Г. Саймонс, И. Фишер и М. Алле. Автор

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 82.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 104–105.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 106.

не повторяется и воспроизводит из их интеллектуального базиса не совсем известные, но важные философско-экономические позиции. Но как-то в этом содержательном диалоге мы так и не нашли отличий теории 100 % денег от концепции денег суверенных. И, тем не менее, кое-что представляя для себя в этом направлении проблемы, отметим, что для достижения этой цели потребовалась бы еще одна книга.

Глава 5 посвящена России и называется «О пути России к ее современному социальному порядку». Откровенно, глава звучит где-то вызывающе, но и многообещающе. Идут разные диалоги относительно определения сути современного социального порядка и чего – России..., а тут еще автор обещает раскрыть и ее путь к этому порядку и «порядку».

В качестве предварительного размышления по этой и другим главам почему-то возник вопрос, а почему, например, решая проблему определения современного социального порядка России, уважаемый В. М. Ефимов обращается к влиятельным, но все же не российским философам, экономистам и другим специалистам? И, кстати, автор в таком методологическом выборе далеко не одинок: познать Россию или из-за ее пространства, или же используя идеи, скажем мягко и без обид, людей другой ментальности и культуры – Дьюи, Норта, Уоллиса, Вайнгаста. Но В. М. Ефимов абсолютно прав, когда говорит, что «для того, чтобы понять современный российский социальный порядок, его ни в коем случае нельзя рассматривать изолированно от мирового порядка, который, в свою очередь, в значительной степени определяется социальными порядками, существующими в западных странах, и прежде всего в США»¹. Мы сегодня являемся очевидцами жесткой попытки интервенции в российскую действительность институтов, которые американские лидеры (скорее всего это так) предполагают внедрить в страну безо всякой оглядки и адаптации.

Современный российский социальный порядок в монографии называется «патрональным социальным порядком»², который, как считает автор, есть следствие навязывания России такого политико-экономического порядка, который лишил ее, по существу, суверенитета, но что не поддержал народ даже ростом благосостояния. Тезис о социальных сетях в виде сети «чекистов» нельзя ни доказать, ни опровергнуть, которая якобы повлияла на нынешний социально-политический порядок. Эта же «сеть», по нашему мнению, мощно повлияла и на то, чтобы «советский порядок» стал историей... Но заслуживает внимания вывод о том³, что потенциал института денег в современном патрональном социальном порядке, действительно, используется очень неэффективно. Опять-таки выскажем свою точку зрения: неэффективно для национальной системы, но очень эффективно для основных «игроков» российского политэкономического поля. Как представляется, эти «игроки» не совсем знакомы с политэкономией и не очень понимают краткосрочные и долгосрочные приоритеты. Но они хорошо понимают личные интересы и другие, которые их не затрагивают непосредственно, как им представляется вначале. Но потом плохие дороги, преступность, коррупция и пр. поставят перед такими игроками много вопросов. Думается, скоро факты истории заставят понять прежнее мое утверждение, может и не совсем корректное, но не лишнее смысла.

Диапазон рассуждений в главе 6 «О политическом завещании Сталина» весьма широк. Автор в целом не лишен оригинальности суждений и не только в этой работе, но и в других произведениях, например, «Экономические проблемы социализма в СССР». Автор уважительно, по-моему, относится к работам К. Маркса, в частности, к «Капиталу». Правда, как человек высокообразованный, В. М. Ефимов в своем повествовании использует разные парадигмы, дискретные исторические экскурсы, логические и эмоциональные суждения, что привлекает к тексту, но не позволяет более или менее признать, чему и кому отдает предпочтения автор. Понятно, что он выдвигает тезис о деньгах как институте, с чем мы ни грамма не спорим, поскольку наши позиции в этом совпадают. Но такой порядок возникает не сразу: требуется исторический опыт, который бы привел к некоторому единству населения и власти в понимании пропорций, норм, правил обмена. Т. е. мы тоже утверждаем, что товарная природа денег, о которой говорил и К. Маркс, и другие, – это реальное явление. Можно вспомнить и бартер, кото-

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 145.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 146.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 146–147.

рый совсем недавно, всего лишь лет тридцать тому назад, заменил, пожалуй, самую крепкую денежную систему – советские денежные знаки. За этот короткий период история повторилась, возродив и векселя, и долговые расписки и пр. Население, предприятия, желая сохранить свою собственность, приобретало более или менее ликвидные товары. С развитием фидуциарных денег товарная основа денег уходит как бы в общий знаменатель товарно-денежных отношений.

Есть у нас различие с автором книги и в понимании того, что «беда существующего на Западе социального порядка состоит в том, что важнейшим, если не основным источником власти являются деньги»¹. Пожалуй, это так, но деньги имеют смысл таков, каким его наделяют люди. А их множество – от простого населения различных стран до политиков, банкиров и пр. Деньги – сильная власть, где-то безжалостная и пр., если она опирается на правовые и политические институты, формируя и соответствующее мировоззрение: время – деньги. Кстати, если бы было иное, то не возникло бы и капиталистическое общество, которое с помощью силы права обеспечивало отношение найма между трудом и капиталом, между банками и субъектами хозяйствования и пр. Но, как мы когда-то сказали, время – не деньги, время – это жизнь; деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит. Но человек это понимает чуть позже... К. Маркс это понял значительно раньше, указывая на необходимость ограничения товарно-денежных отношений. Эти ограничения приводили не только к дефициту в социалистической экономике, но и указывали на непосредственных «виновников» такого явления. В результате эта система не получила развития, хотя исходные посылки ее были и исторически, и цивилизационно, на наш взгляд, вполне оправданны – почему бы не хотеть лучшего общества? Конечно, материально-технические и ментально-культурные предпосылки для более, скажем так, комфортного и справедливого общества вряд ли были созданы.

В наших условиях доминирования денег все списывают на инфляцию и рынок, хотя 1 % инфляции в мире при текущем объеме ВВП позволит перераспределить (!) совсем немалую сумму материального богатства субъектам власти денег: тихо, незаметно и успешно. И мы согласны с замечательным утверждением В. М. Ефимова, который пишет: «Власть денег тоже предполагает возможность использования насилия против тех, кто нарушает правила, установленные в институте денег... Правила эти, будучи опривыченными теми, кто им следует, становятся институтами. Совокупность институтов, действующих в стране, образуют социальный порядок этой страны»².

Автор, как нам показалось, иронизирует над понятием «экономических законов», называя это метафорой. Не будем вдаваться в дискуссии по этому чрезвычайно важному вопросу. Просто отметим, что наука и призвана раскрывать разные законы экономики и общества. Парадокс в том, что отойдя от классической политэкономии, современная неоклассика и другие исследовательские программы вообще прямо или косвенно уходят от этой проблемы. В нашем представлении закон стоимости является все-таки экономическим законом определенного уровня. И даже в этой книге автор пишет: «Власть государства в советской экономической системе (*и не только – П. Л.*) как единственного продавца была большой, но ... не безграничной»³. Вот как раз-таки экономические законы и ограничивают власть государства. Мы сейчас из-за отказа от экономических законов, из-за того, что утеряны по вине, кстати, экономистов ориентиры в общественном регулировании, испытываем жесточайший произвол, или как ранее говорили, волюнтаризм, политики и права.

Далее в главе 6 автором по-своему интерпретируется основной экономической закон социализма, воспроизводятся факты теории и его хозяйственной практики, личное участие в некоторых мероприятиях социалистического строительства. Это интересно. Но вот что пишет далее автор: «Основа советской экономической системы, созданной Сталиным, а именно система планирования объемов производства и выделяемых под эти объемы материальных ресурсов (фондов), не была изменена практически до самого конца существования Советского Союза... Созданная Сталиным система проникла и в этот проект (*речь идет о Проекте закона*

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 186.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 195.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 204.

СССР о государственном предприятии (объединении) – П. Л.)»¹. Конечно, преемственность истории и идей, теорий существует. Но хотелось бы спросить: а Сталин тут причем, ведь прошло столько лет и изменений?

Думается, проблема в другом. И она как-то выражена в неявном виде так: «Нужно двигаться к совершенно новому социальному порядку, которого еще не было в истории стран мира и к которому Россия может прокладывать путь»². Вот эта финишная, не только желаемая, но и возможная точка, т. е. предполагаемый порядок, мало кому известен, аргументированно описан, а еще менее всего признан большинством населения с допущениями и ограничениями. Задача понять современный мир, даже страну, как-то доступно отразить основные хозяйственные формы и этапы развития – представляется, главная задача. Но не менее сложной и важной задачей является задача диалога существующей власти, и, скажем, будущей. Защищаться, как говорил Ленин, нынешние власти научились и пользуются своим аппаратом насилия. А вместе с тем «современные социальные порядки на Западе и в России обладают глубокими пороками и требуют радикальных институциональных изменений»³.

Глава 7 «Колея профессии академического экономиста в постсоветской России», где автор излагает, по его мнению, ловушку неоклассики и марксизма. Анализируются работы авторитетных авторов, излагается это весьма интересно и не без любопытства. Сказать, что пишущий эту рецензию полностью разделяет высказанные взгляды и выводы, – нельзя. Но это не главное. Проблема в том, что некоторые идеи, суждения, выводы нельзя ни доказать, ни опровергнуть. И это центральная проблема в целом для истории, гуманитарных наук, человеческого поведения. Произошел «сбой» в «порядках», что сместило точку отсчета правды и вымысла, добра и зла, эффективности и расточительства и пр. Уважаемый В. М. Ефимов обладает большой информацией и умением излагать материал не только интересно, но и остро. Но работа не лишена переключения с одних авторитетов на другие. И, тем не менее, вывод, который делает автор в конце книги, заслуживает внимания, и мы его приведем полностью: «Близорукость экономической политики последних десятилетий в некоторых странах, в том числе и в России, происходит не потому, что копируются инструменты экономической политики и институциональные структуры ведущих стран мира без учета своего места на шкале времени, а потому, что эти инструменты и структуры не соответствуют привычным способом взаимодействия акторов в этих странах. Изменения в этих способах взаимодействия не могут произойти только вследствие изменения законодательства, а требуют достаточно долгого процесса обучения, причем полный разрыв со старыми способами взаимодействия, как правило, просто невозможен. Социальные («производственные») отношения, вопреки марксистской точке зрения не полностью определяются «производительными силами», а являются результатом исторического культурного развития народа»⁴. Общий вывод верен за исключением нашего прочтения марксизма, чтобы все-таки внести ясность (а, может, и нет), согласно которому производственные отношения тоже могут развиваться дискретно под влиянием и других факторов.

Таким образом, книга В. М. Ефимова «Деньги, социальные порядки и экономическая наука» является оригинальной работой, написанной «живым» и интересным языком, что не всегда свойственно для экономистов. Практичность монографии заключается в том, что действительно, раскрытие природы денег через институт, институции дает понимание не только возможностей, но и ограничений социально-экономического развития. Автор обладает большим массивом информации, исторических фактов, терпимостью к чужому мнению хорошим литературным стилем убедительно отстаивать высказанную позицию. Но это порождает и «теоретический грех», когда даже не большая, а огромная и текстовая, а еще больше затекстовая информационность сбивает и автора с логики, и, конечно, затрудняет понимание основной идеи книги. С нашей точки зрения, есть еще один «грех»: конечный пункт теоретически у автора не

¹ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 219.

² Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 221.

³ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 238.

⁴ Ефимов, В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука / В. М. Ефимов. – М. : КУРС, 2021. – 296 с. – С. 250.

совсем просматривается. Понимаем, что это тяжелый процесс. Поэтому иногда возникает мысль, что, как у Р. Гильфердинга, – движение все, конечная цель – ничто.

Не кажется уместными и некоторые частные дискуссии, которых довольно много во всей книге. Они, как нам представляется, кажутся не по теме, хотя иногда бывают и интересные.

Но в целом книга полезная и будет интересная для читателей разных сфер и областей деятельности – от преподавателей до руководителей предприятий. Кроме всего прочего, ее отражает хороший грамотный стиль, которым владеет автор, острота изложения и деликатность при критике каких-то иных взглядов, позиций.